

Максим
Кузнецов

**САМЫЙ
БЕЗУМНЫЙ
ТАНКОВЫЙ БОЙ
В ИСТОРИИ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Кузнецов Самый безумный танковый бой в истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39850324

SelfPub; 2020

Аннотация

“Ленинградская Прохоровка”, “Второй Сталинград”, “Снайпер дома Павлова”, “Советский День Д”... Истории Второй мировой, написанные для МАХІМ по воспоминаниям солдат и командиров, сражавшихся по обе стороны фронта.

Содержание

Операция X. Первый танковый бой в истории РККА	4
Операция Z. Советско-японская война в небе Китая	20
Ленинградская Прохоровка: встречный бой лучших танковых дивизий РККА и вермахта	32
Гибель Железной дивизии	46
Мценское сражение: танковый шок для немцев	62
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Максим Кузнецов Самый безумный танковый бой в истории

Операция X. Первый танковый бой в истории РККА

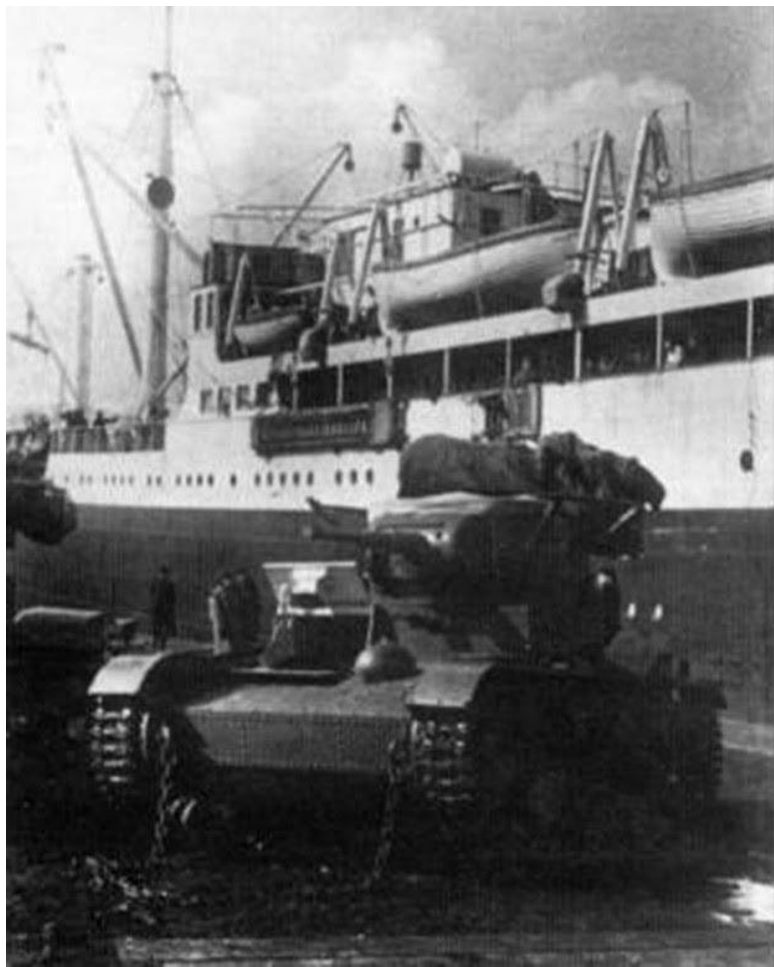
29 октября 1936 года в испанском городке Сесеньо экипаж советского Т-26 попал в непростое положение. У них закончились боеприпасы и была сбита гусеница, неподвижный танк окружили несколько сотен рассерженных марокканских наёмников, которые взламывали люки, пытаясь добраться до республиканского экипажа и попутно расписывая ему, что они сделают, когда до них доберутся. Наёмники изъяснялись так выразительно, что даже советским танкистам, ни слова не понимающим, в эти часы было как-то не очень, а для баинёра-испанца, немного язык марокканцев знавшего, этот бой закончился в психиатрической клинике.

Операция X

В сентябре 1936 года советский грузовой теплоход «Комсомол» бросил якорь на рейде испанского порта Картахена.

Из его трюмов было выгружено 50 танков Т-26, запасные двигатели к ним, боеприпасы, горюче-смазочные материалы. С танками приплыли 30 советских инструкторов во главе с полковником Кривошеиным.

17 октября в Арчене, 90 км от Картахены, началась подготовка испанских танкистов. В советском генштабе эту войну назвали Операцией X.

Выгрузка прибывших в Испанию Т-26

И эта операция сразу пошла не по плану. Четыре колонны мятежников так стремительно приближались к Мадриду, что времени на подготовку местных кадров уже не оставалось. 26 октября 1936 года Москва отправила в бой роту советских танков – 15 Т-26 со смешанными экипажами (советские командир и механик-водитель, испанский башнё-р-заяющий) – под командованием капитана Поля Армана, в Испании известного как капитан Грейзе.

Поль Арман

Вместе с пехотой – 1-й бригадой милисианос (ополченцев) Энрике Листера, впоследствии побывавшего генералом трех армий, республиканской, советской и югославской, – танковая рота Армана должна была нанести наступающим франкистам контрудар с фланга. Занять город Сесенью, а за-

тем Эскивидас, и перерезать тыловые коммуникации наступающих .

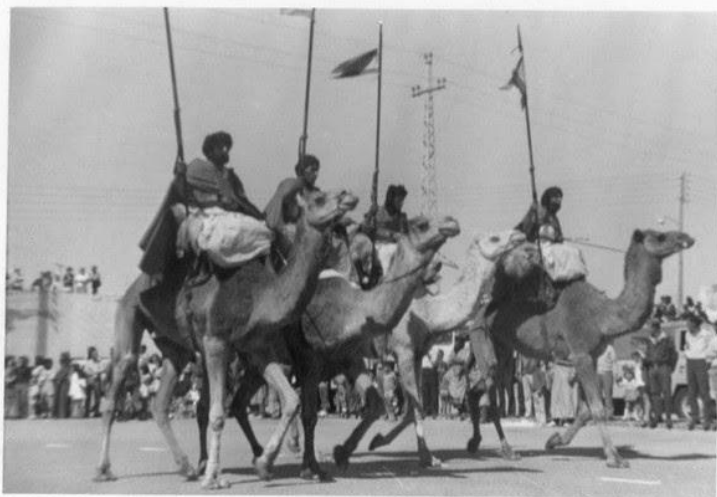
Взаимодействия не получилось. Бригада Листера представляла из себя необстрелянное и необученное ополчение. Хорошо обученные советские танкисты в реальном бою тоже не бывали. Легко прорвав оборону франкистов, они продолжили наступление. Когда они уехали, замолкшие огневые точки вновь открыли огонь и надолго положили бригаду Листера лицом в грязь. Арман не сообразил, что входить танками в город без пехоты – дело опасное. Три танка – командиры Климов, Лобач и Соловьёв, – посланные вперёд на разведку, к назначенному сроку не вернулись. 12 оставшихся танков, тем не менее, продолжили движение к Сесеньо. Их колонна сильно растянулась, командирский танк с открытым люком и высунувшимся из него Арманом, вырвался далеко вперед и зашел в город в одиночку.

На первом же повороте улицы танк резко остановился: перед Арманом стояла плотная колонна всадников. Это было лучшее подразделение армии Франко – марокканская кавалерия, самые опасные головорезы Африки.

Кавалерия-регуларес

Как полководец Франко состоялся на Рифской войне в Марокко, поднявшись от лейтенанта до молодого генерала, командующего двумя самыми боеспособными подразделениями в испанской армии – Испанским иностранным легионом и Корпусом регуларес из берберов, пошедших на служ-

бу к испанцам.

Марокканская кавалерия

Этим мусульманам за участие в своём крестовом походе Франко платил немного, но зато позволял добирать плату грабежом населения. Помимо денег, многих марокканцев привела в Испанию перспектива насиловать, сколько душа пожелает, прекрасных белых женщин, прежде мало кому из берберов доступных.

Они занялись всем этим по дороге на Мадрид. Через неделю Испания трепетала перед регулярес. Внушать окружаю-

щим ужас эти парни умели также хорошо, как воевать, а воевали они всю жизнь, причём нередко против своего народа. На конях и верблюдах, с винтовками, пулемётами и артиллерией, марокканцы были главным козырем наступления Франко на Мадрид.

На улице в Сесеньо

возникла пауза, участники встречи ошарашенно смотрели друг на друга. Марокканцы знали, что им на поддержку высланы итальянские танки и не могли определить кто перед ними, потому что танкисты всех армий одевались тогда одинаково. Поль Арман открывать огонь тоже не спешил – советская колонна сильно растянулась и его командирский Т-26 стоял перед противником один. Надо было выиграть время.

– Какого чёрта вы встали? Дайте проехать, – заорал он по-французски.

Латыш-коммунист Поль Арман перед эмиграцией в Советский Союз недолго жил во Франции и произносил чисто. Французское Марокко располагалось рядом с Испанским, так что этот язык марокканцы знали.

– Почему вы на меня кричите? – спросил его офицер.

– Как не кричать на таких олухов.

– Не повышайте тона, я подполковник!

– Вижу, но мне плевать на это.

Тут к Арману подкатили и встали рядом ещё два Т-26. Подполковник растерялся.

– Кто вы такой? – спросил он.

– Командир танкового отряда, – ответил Арман, захлопнул люк и по радиации приказал своей роте: “Дави их, ребята”.

На улице в Сесенью началось мясо, советские танки давили людей, лошадей и верблюдов. Пули и ручные гранаты Т-26 не брали, штаб марокканского отряда и его передовые ряды погибли страшной смертью, но задние на удивление быстро пришли в себя после такого шокирующего начала. Воины пустыни, оставшиеся без командиров, не имея опыта уличных боев, впервые столкнувшись с танками, тем не менее не разбежались, приняли бой и сражались достойно: по ходу дела они сообразили как грамотно рассредоточиться в городе (на верхних этажах, крышах и балконах) и изобрели классическое оружие пехотинца против техники: бутылку с горючей смесью, позже ставшую известной как коктейль Молотова, впервые в истории бросив её в танк. Результат марокканцам очень понравился, а Армана встревожил.

– Прорываемся, – приказал он роте.

Окровавленные советские танки с намотанными на траки марокканскими кишками понеслись сквозь огненный шквал по узким кривым улочкам, на которых сейчас не всякий сможет маневрировать на современном автомобиле. Берберы с крыш и балконов бросали “коктейли” десятками. Когда у Т-26 Селицкого слетела гусеница, Арман приказал роте продолжать движение, пообещав Селицкому, что к нему вскоре подойдут милисианос Листера. Вырвавшись из города со-

ветские танки, уже не окровавленные, а обгорелые, остановились в поле по дороге к Эскивидасу. Экипажи занялись ремонтом, бурно обсуждая свой первый бой.

Carro CV3/33 “Ансальди”

Внезапно они заметили восемь приближающихся черных точек, в бинокль оказавшихся итальянскими танкетками Carro CV3/33 “Ансальди”.

– Замаскироваться, устроить засаду, – приказал Арман.

“Ансальди” неплохо показали себя в Эфиопской войне, но для Европы не годились: вооружены лишь спаренными пулеметами, и слабо бронированы. Засады не получилось, итальянцы тоже заметили советские танки и приняли бой. Залп из 45 мм орудий их потряс, три танкетки сгорели на ходу как спички. Но итальянцы продолжили атаку. Пока они приближались, Т-26 успели один раз перезарядиться и снова выстрелить. Сгорели ещё две танкетки. Рикошеты и разрывы советских снарядов психологически добили остальные “Ансальди”, их командиры развернули свои машины и побежали из боя.

Все, кроме одного. Этот “Ансальди”, в котором, скорее всего, сидел командир итальянской группы, шёл на командирский Т-26, в котором сидел Арман. Он только что подбил своего второго “Ансальди” и, пока перезаряжался, быстрая танкетка оказалась совсем рядом. Метров с 20 она неожиданно полыхнула на танк струей пламени. “Ансальди” оказался огнёмётным.

Т-26 запылал как свечка, но Поль Арман выстрелил из горящего танка. Так и не сумев поймать в прицел стремительную танкетку, советский командир промахнулся и, опасаясь детонации боекомплекта, начал отступать. Итальянец его агрессивно преследовал. В этот момент ему в борт врезался хорошо разогнавшийся десятитонный Т-26 лейтенанта Семёна Осадчего. Случился первый в истории танковый таран. Огнемётный “Ансальди” смело в овраг, он несколько раз перевернулся и по-голливудски ярко взорвался.

Семён Осадчий

Через несколько дней Семён Осадчий скончался в госпитале от заражения крови после ранения. Золотую звезду он получил посмертно, став вторым в РККА танкистом-героем. Первым стал его командир Поль Арман.

Т-26 в огне

Советские танкисты также приняли решение отступить. И теперь им предстоял второй прорыв через Сесенью и вторая встреча с марокканцами. Те опять удивили креативом – подтянули артиллерию и установили её на крышах домов так, чтобы стрелять в башню сверху. Африканцы здраво рассудили, что там бронирование танка должно быть минимальным.

У Т-26 Селицкого роту ждала печальная картина: люки танка были открыты, экипаж лежал рядом, его смерть была нелёгкой. Тут рота впервые попала под артиллеристский огонь сверху и, стремительно отступив, сбилась с маршрута, случайно наткнувшись на своего разведчика, обездвиженный Т-26 Соловьева, уже несколько часов осаждённый марокканцами. Это чудесное спасение, скорее всего, разум испанского башнёра окончательно и добило.

Когда рота уже почти проехала через Сесенью, неожиданно нашёлся еще один разведчик. Пылающий факелом, но продолжающий отстреливаться, Т-26 Лобача выкатился из за поворота и едва не врезался в танк Армана. Марокканцы уже несколько часов гоняли его по городу, и всякий раз Лобачу удавалось улизнуть от смерти. Но в момент радостной

встречи с его танка выстрелом из пушки была сбита гусеница. Выскочивший для ремонта механик-водитель был убит из винтовки. Лобач заметил на крыше орудие, направленное на него, понял, что через секунду умрёт, и, по словам других танкистов, успел им крикнуть: “Ребята, прощайте!” – после чего снаряд, пробив башню сверху, разорвался внутри танка. Судьба последнего разведчика, Т-26 Климова, выяснилась только после войны, по фотографиям. Он единственный доехал до Эскивидаса, где и был сожжён. Экипаж, скорее всего, погиб.

Итоги первого танкового боя в истории Красной армии было трудно оценить. Рота потеряла 20% техники, наступление республиканцев, которое она должна была поддерживать, провалилось. Но фарш из марокканцев и расстрел итальянских танков произвел большое впечатление на солдат по обе стороны фронта. Тем вечером всем советским танкистам казалось бесспорно доказанным превосходство их техники над техникой противника. Чему танкисты Армана очень радовались.

Радовались они зря. Вскоре их танки встретились в Испании с немцами, выкатившими 37 мм противотанковое орудие, которое отстреливало Т-26 уверенно и быстро. Всем танкистам, которые в 1941-м ходили в атаки на Т-26 (а их к войне за чем-то построили больше 10 тысяч) надо было сразу давать Героя, они были смертниками.

Накануне гибели от пули снайпера под Волховым в авгу-

сте 43-го, Поль Арман в последнем письме жене и дочке рассказывал о Прохоровке и вспоминал Испанию:

«Сквозная атака! Смешались в кучу танки, люди... Сиш-бались в лоб, таранили друг друга, расстреливали сзади... сто немецких танков горело одновременно. Ах, если бы мне собственными глазами увидеть такой костер!

Ты понимаешь, что это – великий перелом в войне? Мы летом выбили из рук немцев их наступательное оружие! Мы научились побеждать не только в морозы, мы бьем их в разгаре лета, в шольскую жару.

Хожу гордый – первым в истории боем танков с танками командовал все-таки я! И первый танковый таран в истории совершил мой Семён Осадчий... Я, ей-богу, имею право на толику тщеславия и признаюсь в этом только вам двоим».

Операция Z. Советско-японская война в небе Китая

Сегодня это покажется забавным, но в 30-е годы XX века японских инженеров-конструкторов считали способными лишь копировать достижения коллег из Европы и Америки. Ошибочность такого взгляда потом хорошо поняли американцы в Пёрл-Харборе. Но первыми европейцами, на себе узнавшими, что такое японские инженеры, стали русские. В 1937 году советские истребители столкнулись в китайской небе с А5М – первым в мире палубным истребителем-монопланом, разработанным в Японии.

Императорская армия поставила перед КБ Mitsubishi задачу создать палубный истребитель с горизонтальной скоростью не менее 400 км/ч. Нормальной скоростью европейских бипланов было 350—370 км/ч, моноплан А5М на первых испытаниях выдал 414 км/ч, но приемщики не поверили и потребовали провести контрольный полет. Во второй раз А5М разогнался до 449 км/ч и был принят на вооружение.

A5M «Claude»

Поначалу опытные летчики Йокосукского экспериментального авиаотряда отдавали предпочтение старому биплану, гораздо более маневренному на горизонтальных виражах в классической «собачьей свалке», зародившейся над окопами Первой мировой войны. Однако молодые летчики, попробовавшие воевать на вертикальных виражах, пришли в восторг от атаки в пикировании на тихоходные цели.

Вторая японо-китайская война началась из-за того, что рядовой Императорской армии Шимура Кукуджиро заблудился ночью, отлучившись в сортир. Командование Японии воспользовалось тем, что китайцы не разрешили им поиски.

Кукуджиро вернулся, когда его командиры уже начали обстрел Пекина. Через двадцать дней, 28 июля 1937 года, столица Китая была взята.

У японцев было около 700 самолетов, у китайцев – 600, у тех и у других в основном бипланы. Перед самым началом войны Чан Кайши купил около сотни передовых американских бипланов Curtiss Hawk III. За первый месяц боев над Пекином и Шанхаем китайцы сбили около 60 японских самолетов.

Вскоре к берегам Китая подошел авианосец «Кага» с эскадрилей А5М. 7 сентября над озером Тан капитан Игараси, имея преимущество в скорости 60 км/ч, сбил подряд три «Хока». За неделю японцы взяли господство в воздухе.

19 сентября японская авиация осуществила налет на Нанкин, ставший новой столицей Китая. В общей сложности задействовали 45 самолетов, в том числе 12 А5М. Их встретили 23 китайских истребителя: американские «Хоки» и «Боинги», итальянские «Фиаты», английские «Гладиаторы». В ходе боя китайцы сбили четыре японских биплана, а А5М – семь китайских.

Чан Кайши обратился за помощью к СССР, и Сталин объявил операцию Z (по аналогии с операцией X в Испании), отправив на чужую войну советскую эскадрилью И-16 (31 самолет, 101 человек) – первого в мире серийного истребителя-моноплана с убирающимся в полете шасси, а также эскадрилью истребителей-бипланов И-15 бис (31 самолет, 101

человек) и эскадрилью бомбардировщиков СБ (31 самолет, 153 человека).

Летчики-добровольцы в Китае. Справа налево: Ф. Польшин, П. Рычагов, А. Рытов, А. Благовещенский.

Добровольцами сталинские соколы становились так: в начале октября 1937 года курсантов Московской академии Жуковского собрали командиры и объявили: «Родина решила отправить вас на секретное спецзадание в Китай. Кто отказывается?»

Таких не нашлось.

Лучшие советские летчики в то время находились в Ис-

пании, и в Китай поехали люди, совершенно не имевшие боевого опыта. Монопланы они планировали применять совместно с бипланами: в довоенной авиационной доктрине СССР господствовала теория, что скоростные монопланы должны догонять врага и связывать его боем, а потом более манёвренные бипланы его уничтожать.

Помимо неопытных летчиков и устарелых взглядов на тактику существовала и другая проблема. Это Сталину было легко взмахнуть рукой над картой: «Доставить самолеты в Китай!» А как это сделать? Ближайший аэродром в Алма-Ате, и получалось, что лететь предстоит через Гималаи. Не имея карт, на предельных высотах, без промежуточных аэродромов и в открытых кабинах.

Первый самолёт, отправившийся на прокладку маршрута, залетел в глухое ущелье, поздно это заметил и разбился в ударе об отвесную стену. Штурман умудрился выжить и спустя десять дней, обмороженный и голодный, вышел к местным жителям. Постепенно маршрут проложили, но советские эскадрильи все равно теряли каждый второй самолёт во время перелёта в Китай.

К тому времени, как советские самолеты и летчики добрались, от китайских ВВС остался 81 самолет, почти все «Хоки» были сбиты. Японская авиация господствовала в небе. Сухопутная армия Японии штурмовала Нанкин. 21 ноября 1937 года в свой первый вылет над Нанкином поднялась семерка И-16 (И-16 был прозван в СССР «ишаком», а

в Испании – «мухой» и «крысой»). Ведомая комэском Благовещенским, лётчики вступили в бой с 20 японскими самолетами. «Ишаки» без потерь сбили один бомбардировщик и два А5М.

Истребитель И-16 с опознавательными знаками ВВС Китайской республики.

На следующий день, 22 ноября, шесть И-16 вступили в бой с шестью А5М, сбив одного из них. Японский летчик Миязака попал в плен.

При схожих тактико-технических характеристиках, как выяснили советские летчики, А5М серьезно уступал И-16 в точности оружия и весе секундного залпа. На них были установлены два старых английских пулемета «Виккерс», а на И-16 – четыре новейших советских пулемёта ШКАС.

Японцы совершенно не ожидали появления вражеских монопланов. Однако за ними оставалось преимущество боевого опыта.

Участник боев Георгий Захаров вспоминал: «Уже потом, повоював, набравшись опыта в боях, мы естественным путем пришли к пониманию тактики современного по тем меркам воздушного боя. А поначалу летчики не учитывали даже таких тактических азов, как заход в атаку со стороны солнца. Поэтому нередко начинали бой из заведомо невыгодной позиции».

Советские пилоты быстро переучивались: отказались от тактики совместного использования монопланов и бипланов и осваивали бой на вертикальных виражах.

24 ноября пилоты микадо взяли реванш: шесть А5М, сопровождая восемь «бомберов», сббили три из шести взлетевших на перехват И-16.

1 декабря японские ВВС попытались разбомбить нанкинский аэродром, где базировались советские части. Всего в тот день в пяти вылетах русские сббили около десяти «бомберов» и четыре А5М. Свои потери – два И-16, летчики выпрыгнули с парашютами. Один самолет из-за выработки горячего сел на залитое водой рисовое поле. Китайские крестьяне вытащили его оттуда волами. Бомбардировщики так и не смогли снизиться для прицельного удара и сбрасывали груз на высоте пять километров, не причинив урона цели.

К концу 1937 года советские ВВС взяли воздушное гос-

подство над Нанкином. Японцы отвели свою авиацию по-дальше от линии фронта.

Под Новый год девять бомбардировщиков СБ, управляемых советскими летчиками под командованием Мачина, вылетели из Нанкина и совершили налет на японские авиабазы под Шанхаем. По оценкам наших летчиков, в общей сложности ими было уничтожено на земле 30—35 японских самолетов.

Другая группа бомбардировщиков в тот день доложила об уничтожении легкого авианосца «Ямато», не успевшего подняться свои самолеты в небо. Но, по японским данным, никакого авианосца «Ямато» в японском флоте никогда не было. Был другой корабль с таким названием, но его потопила американская подлодка в 1943 году. Возможно, советские бомбардировщики уничтожили какой-то крупный транспорт.

В январе, после бомбежки мостов через Хуанхэ, СБ командира эскадрильи капитана Польшина был перехвачен тройкой А5М и сбит. Его сын потом рассказывал, что самолет отца спланировал и сел на рисовом поле между пехотными позициями японцев и китайцев.

Следующие десять минут Польшин, держа в руке пистолет, с интересом наблюдал за бежавшими к его бомбардировщику с разных сторон японскими и китайскими солдатами. Если бы первыми добежали японцы, капитан в соответствии с приказом был обязан прострелить себе голову. Ему повезло: китайцы бежали быстрее.

23 февраля 1938 года 28 самолетов СБ под командованием комэска Польшина совершили сенсационный авианалет на японскую авиабазу на острове Тайвань, сбросив 2080 бомб и уничтожив 40 новых итальянских двухмоторных бомбардировщиков «Фиат BR.20» и около пятидесяти лучших японских пилотов, застигнутых бомбежкой во время обеда.

Эскадрилья Польшина применила хитрость: она обошла Тайвань по широкой дуге и зашла в востока, со стороны Японии. Позднее японцы поступят так же в первом налете на Пёрл-Харбор и тоже удачно: их примут за своих и не обратят внимания.

Весной 1938 года советские и японские летчики начали таранить друг друга в китайском небе. С советской стороны первый таран совершил самолет старшего лейтенанта Шустера в воздушном бою 29 апреля над Уханью: при лобовой атаке он не свернул и столкнулся в воздухе с А5М. Оба летчика погибли.

В мае успешный таран на И-16 совершил летчик-ас (семь воздушных побед), старший лейтенант Губенко. Через год он получил за это Золотую Звезду Героя.

18 июля первый воздушный таран осуществили японцы. В воздушном бою над Наньчаном А5М лейтенанта-коммодора Нанго столкнулся с ранее обстрелянным им советским истребителем. Японец погиб, а советский летчик, младший лейтенант Шарай, остался жив, сумел посадить поврежден-

ный И-16 и через год получил за этот бой орден Красного Знамени.

Этими случаями заинтересовался Такидзиро Ониси, будущий разработчик авианалета на Пёрл-Харбор, а в то время командующий авиацией на авианосце «Хосё». В 1938 году он основал Общество по изучению воздушной мощи и издал книгу «Боевая этика императорского военно-морского флота», в которой, в частности, рассматривается вопрос о готовности подчиненных выполнить задание ценой собственной жизни.

Эти разработки сильно пригодились ему в 1944 году, когда он начал формировать первую эскадрилью летчиков-самоубийц (остался в истории как «отец камикадзе»). В октябре во время сражения в заливе Лейте его подчиненные провели первую и самую успешную операцию против ВМФ США, потопив один и повредив шесть авианосцев (потеряли при этом 17 самолетов).

После этого Ониси поручили создать воздушный флот самоубийц. Японская авиация уже перешла на следующее поколение своих самолетов – знаменитые А6М «Зеро», – поэтому главным самолетом для камикадзе стал устарелый А5М. Пропаганда в стране заработала, и вскоре все мальчишки Японии мечтали героически погибнуть, по обычаю воинов-самураев оставив миру на прощание короткие стихи «дзисей» (песня смерти, стихи, которые писали перед самоубийством). Например, такой:

*Нам бы только упасть
Лепестками вишни весной,
Такими же чистыми и сияющими!*

В 1944—1945 годах в атаках камикадзе погибли 2525 морских и 1388 армейских летчиков.

29 апреля, в день рождения императора Хирохито, над трёхградьем Ухань, ставшим после падения Нанкина очередной столицей Китая, произошел самый крупный воздушный бой за всю войну.

Японцы решили отомстить за бомбардировку Тайваня и устроить налет бомбардировщиков под прикрытием 27 А5М. На их перехват вылетели 45 И-16. В 30-минутном бою были сбиты 11 японских истребителей и 10 бомбардировщиков, при этом было потеряно 12 самолетов, пилотируемых китайскими и советскими летчиками. После этого японцы в течение месяца не совершали налетов на Ухань.

А в советские части прибыли ТБ-3. В конце лета группа этих бомбардировщиков демонстративно пролетела днем над Японскими островами, сбрасывая не бомбы, а листовки.

Японцы намёк поняли правильно и начали зондировать почву для мирных переговоров с СССР. Летом 1938 года первая партия советских летчиков возвращалась в СССР. Командир эскадрильи И-16 капитан Благовещенский должен был перегнать трофейный А5М на изучение в Москву, но японская агентура в Китае работала хорошо, и в его бензобаки засыпали сахар. Над Гималаями двигатель отка-

зал, и самолет разбился. Благовещенский со сломанной рукой несколько дней добирался до своих и был ими сразу же арестован.

Летчик-ас (14 побед в небе Китая) был этапирован в Москву и провел несколько незабываемых месяцев на Лубянке, пока следователи выясняли, не специально ли он разбил новейший японский истребитель. Накануне Сталин, недовольный большими потерями на гималайском маршруте, приказал НКВД поискать там диверсантов.

Эта нервотрепка закончилась тем, что однажды на допросе следователь указал на лежавшую перед ним бумагу. «Это анонимный донос о том, что вы давно являетесь врагом народа и японским шпионом. А это, – он указал на лежавшую рядом стопку листов, – заявления ваших сослуживцев, каждый из которых ручаются за вас, как за самого себя. Можете идти, товарищ капитан».

Через год Алексей Благовещенский получил за Китай Золотую Звезду Героя.

Ленинградская Прохоровка: встречный бой лучших танковых дивизий РККА и вермахта

Алитус

Рано утром 22 июня на спящих красноармейцев внезапно обрушился короткий, но очень мощный, шокирующий артиллерийско-бомбовый удар. Едва перестали рваться снаряды и бомбы, как на выживших пошли в атаку две немецкие танковые дивизии 3-й танковой группы Гота, около 500 танков.

128-я стрелковая дивизия побежала, ее командир генерал-майор Зотов сдался в плен. 7-я танковая дивизия генерал-майора фон Функа стремительным марш-броском, гоня перед собой толпы отступавших (тогда говорили – драпающих), ворвалась в литовский городок Алитус и захватила стратегически важные мосты через Неман. Охранявшее их спецподразделение НКВД, увидев вражеские танки, побежало вместе со всеми. Немцы наступали еще несколько километров, пока не встретились с передовыми частями советской 5-й танковой дивизии. В этих коротких яростных стычках панцерваффе понесли первые потери на Восточном фронте и впервые отступили – назад к Алитусу, занимая оборонительные позиции на его окраинах.

Немецкий танк PzKpfw38(t) едет мимо горящего советского танка. На буксире у «чеха» – бочка с горючим. Район Алитуса

5-я танковая дивизия (268 танков, из них 50 Т-34), командиру которой, полковнику Федорову, приказали выбить немцев с восточного берега Немана, атаковала город. По одной из версий, передовая группа «тридцатьчетверок» прорвалась к южному мосту, заставив немцев спешно отступить, 2-й танковый батальон под командованием Алексея Пчелинцева, впоследствии бравшего Берлин, занял позиции на восточном конце моста. По другой версии, выбить немцев с во-

сточного плацдарма им не удалось, советские танки завязли в уличных боях.

Все теперь зависело от скорости подхода подкреплений. К середине дня полковник Федоров стянул почти все силы 5-й танковой дивизии, и в городе, где не прекращались танковые дуэли, возникло равновесие: немцы не могли прорваться через советские порядки в Алитусе, а танкисты Федорова не могли выбить их за мост и создать устойчивую оборону по берегу реки. К вечеру подошла 20-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Штумпфа и переправилась по северному мосту, внезапно для Федорова создав угрозу окружения его дивизии. Полковник приказал отступить.

5-я танковая дивизия потеряла около 70 танков (70 – по немецким данным, 73 – по советским), панцерваффе – 11 машин. Тут надо понимать, что поле боя осталось за немцами, поэтому 5-я танковая дивизия потеряла все свои подбитые машины, а немцы записали себе в потери только те танки, которые не смогли восстановить.

Расейняй

4-я танковая группа Гепнера – 1-я и 6-я танковые дивизии, 145 и 265 боевых машин соответственно, в основном легкие чешские Pz.Kpfw.35(t) – в первый день войны наступала в значительно более благоприятных условиях, чем их соседи из группы Гота. Почти не встречая сопротивления, немцы за день дошли до литовского города Расейняй. Единственная их потеря – погибший командир разведывательно-

го мотоциклетного полка, который, бравирюя своей смелостью, ехал впереди колонны и был убит неизвестным советским снайпером.

Переночевав в Расейняе, немцы разделились: боевая группа Рауса пошла севернее, боевая группа Зеедорфа – южнее. Около полудня 23 июня шедший перед группой Зеедорфа разведывательный мотоциклетный полк, потерявший накануне командира, наткнулся на передовые части 2-й танковой дивизии РККА генерал-майора Солянкина. Последствия этой встречи немцы в своих боевых журналах отразили очень сдержанно, но там встречаются упоминания и про полную потерю боеспособности, и про массовое бегство, и про суровые меры, которыми удалось остановить распространение паники.

И это неудивительно: на острие советского контрудара 2-й танковой дивизии шла группа из пятидесяти тяжелых танков КВ, а за ними около двухсот танков полегче.

До этого часа немецкие танкисты о существовании таких огромных стальных монстров и не подозревали. Хотя СССР накануне войны демонстрировал свои новые танки на первомайском параде, но в Германии не обратили на них внимание. И теперь немецким танкистам предстояло исправлять просчеты своей разведки, узнавая боевые и тактико-технические характеристики КВ в ходе сражения.

В бою быстро выяснилось, что орудия любых немецких танков бессильны против лобовой и бортовой брони КВ. С

противотанковой артиллерией дела обстояли не лучше. Основное 37-мм орудие вермахта, хорошо себя показавшее в Польше и Франции, в России оказалось бесполезной колодушкой. 50-мм орудие пробивало КВ в борт подкалиберным снарядом с 300 метров, бронебойным – с 500 метров. В лоб противотанковая артиллерия вермахта становилась эффективной против КВ лишь на дистанции 40 метров.

Немецкие танкисты знакомятся с КВ после боя под Расейняем

Пятьдесят тяжелых танков смяли группу Зеедорфа и пошли на Расейняй. На подступах к городу немцы сражались отчаянно, пытаясь остановить советские танки, но те были неуязвимы до тех пор, пока немцам не удалось подтянуть

88-мм зенитные орудия и 150-мм полевые гаубицы. На высоте 139 немцы установили шестиствольные минометы, накрывавшие советские тыловые части (у Солянкина было почти полторы тысячи грузовиков, следовавших за танками, и немецкие мины уничтожили большинство из них). Советское наступление замедлилось, но не прекратилось.

На следующий день немецкое командование потребовало от боевой группы Рауса обойти советские части и зайти им в тыл. Но сделать этого не удалось по анекдотичной причине: на дороге стоял советский КВ, у которого кончилось горючее, но экипаж машину не покинул и принял бой со всей танковой группой. 88-мм зенитки и 150-мм гаубицы были заняты отражением атаки на Расейняй, и группе Рауса было нечего противопоставить этой неподвижной стальной крепости. Немцы попробовали охотиться на КВ, как пещерные люди охотились на мамонтов: пока легкие танки отвлекали зверя, к нему на близкую дистанцию вручную подкатывали 50-мм орудие, чтобы нанести в борт внезапный смертельный удар. Это привело лишь к потере нескольких легких танков и противотанковых орудий, группа Рауса не продвинулась 24 июня ни на шаг.

Только 25 июня ей передали наконец 88-мм орудие, которое уничтожило КВ снайперским выстрелом в орудийную маску – в ходе Расейняйского боя немцы нашли слабое место бронированного монстра. Немецкие танкисты согнали к месту боя евреев из близлежащих сел, заставили вытащить из

подбитого танка погибший советский экипаж (имена героев остались неизвестными) и похоронить их. Офицеры панцерваффе при этом отдали противнику воинские почести, а сам танк потом перетащили на главную площадь Расейняя, и он стоял там до 1944 года как немецкий памятник мужеству врага. Через год играющие мальчишки нечаянно из него выстрелили (оказалось, что все это время танк стоял с заряженным орудием), снаряд перелетел площадь и попал в здание германской комендатуры.

Когда группа Рауса вышла в тыл дивизии Солянкина, советская атака уже выдохлась, большинство танков были потеряны. На следующий день, 26 июня, немецкие диверсанты разгромили штаб 2-й танковой дивизии и убили ее командира. Дивизия на тот момент состояла из одного танка БТ-7.

Лужский рубеж

После приграничного разгрома под Ленинградом принялись спешно строить оборонительный рубеж по берегу реки Луга. Танковые части Красной армии в Прибалтике почти полностью погибли, пехотные были рассеяны и дезорганизованы, Лужский рубеж, который копали ленинградцы, занимали дивизии ополченцев.

Группе армий «Север» приграничные победы тоже дались недешево, и перед Лугой они встали почти на месяц, подтягивая подкрепления и ремонтируя подбитые машины.

Танковые бои в Алитусе и Расейняя стали нарушением уставов обеих армий. И в вермахте, и в РККА до войны счи-

тали, что танкам на поле боя не придется сражаться с другими танками, их уничтожением будет заниматься противотанковая артиллерия. А танки предназначались для других задач, что видно по их довоенной классификации: «танки прорыва», «танки поддержки пехоты», «танки для уничтожения укреплений».

Но во время войны быстро стало ясно, что всеми этими задачами танк может заниматься, только устранив с поля боя своего главного врага – танк противника, а менее мобильная противотанковая артиллерия в таких ситуациях зачастую отсутствовала. Поэтому следующее поколение танков классифицировали уже как боксеров, по весовым категориям: легкие, средние, тяжелые.

За Лугой немецких танкистов ждал еще один встречный танковый бой, вошедший в историю как «ленинградская Прохоровка». Но на знаменитую Прохоровку – яростную танковую мясорубку на коротких дистанциях и в смешавшихся боевых порядках – этот бой походил мало, потому что обе стороны провели его в соответствии со своими довоенными доктринами.

«Бранденбург-800»

14 июля к мосту через Лугу у деревни Поречье на большой скорости подъехал советский броневедомитель с экипажем в красноармейской форме. Посты охраны НКВД диверсанты проскочили, на ходу по-русски требуя позвать командира для важных известий. Они доехали до восточного

конца моста, а следовавший за ними грузовик остановился на западном конце.

В этот момент снайпер, заранее прошедший в советский тыл под видом беженца, выстрелом в голову убил командира противотанкового орудия, прикрывавшего мост. Из броневедомости и грузовика выскочила немецкая пехота, захватила мост и перерезала на нем все провода, какие нашла, на случай, если он заминирован. Началась сильная перестрелка, в которой не успевших рассредоточиться немцев поначалу сильно прижали, но командир группы захвата лейтенант Реннер поставил дымовую завесу, позволившую его солдатам занять позиции для обороны. Когда дым рассеялся, чекисты поняли, что без большой крови немцев с моста уже не выбить, и отошли.

Командир спецподразделения НКВД, охранявшего мост через Лугу, так описал эту перестрелку в отчете начальству: «Танки противника, замаскированные нашими опознавательными знаками, подошли вплотную к мосту... гарнизон по тревоге занял окопы и открыл по танкам ружейно-пулеметный огонь. Вслед за танком к мосту подошла на машинах пехота противника численностью до роты, с которой гарнизон вступил в бой. Бой продолжался в течение полутора часов. В результате боя уничтожено до 70 фашистов».

На самом деле в группе Реннера из 800-го полка особого назначения «Бранденбург» при захвате моста был легко ранен один диверсант. Лужский рубеж был прорван, вермахт

получил плацдарм на восточном берегу.

Молосковицы

В августе с этого плацдарма началось наступление на Ленинград 1-й танковой дивизии Германии. Прорвав советскую оборону, танки пошли в глубокий прорыв на железнодорожную станцию Молосковицы, связывавшую защитников Лужского рубежа с Ленинградом. Под командованием генерал-майора Вальтера Крюгера находилось 98 различных танков, их поддерживали моторизованные батареи противотанковой артиллерии.

Им навстречу советское командование бросило свой последний резерв – 1-ю Краснознаменную танковую дивизию генерал-майора Виктора Баранова, 108 танков (КВ-1, Т-28, БТ-7, БТ-5, Т-26). У дивизии не было тягачей, поэтому ее противотанковая артиллерия отстала от передовых частей. Накануне Баранов получил с Кировского танкового завода 12 новых танков КВ, экранированных 25-мм бронешитами.

11 августа в лесу под Молосковицами советские танки встретились с танками противника. В первом бою немцы потеряли 20 танков, но выиграли время для установки в своем тылу противотанковых орудий, после чего генерал-майор Крюгер приказал экипажам совершить ложное отступление. Обрадованные первой победой в войне советские танкисты были выведены немцами на удобную дистанцию для замаскированных 88-мм орудий и уничтожены внезапным шквальным огнем.

В этой засаде сгорели 11 КВ, 8 БТ-2, 9 БТ-7, 2 БА-10. Потерь было бы больше, но оказалось, что экранированные КВ, принявшие на себя основной удар артиллерии, трудноуязвимы даже для «восемьдесят восьмых», они прорывались на батареи и давили орудия гусеницами. Советская атака захлебнулась. Танки с красными звездами неорганизованно выходили из боя и отступали к железнодорожной станции. Ночью Баранов приказал уцелевшим экипажам зарыть свои машины в землю по дороге на Молосковицы и с утра стоять насмерть.

12 августа в атаку пошли танки с крестами. Теперь немцы начали нести большие потери. Особенно тяжело им пришлось у Котино, где стояли зарытые в землю КВ под командованием старшего политрука Васильева. Только на этой позиции немцы потеряли 14 танков. К вечеру последние резервы Крюгера продавили-таки оборону Краснознаменной дивизии и вышли к Молосковицам, прямо в засаду подошедшей к Баранову противотанковой артиллерии. Замаскированные на окраине станции 152-мм гаубицы подпустили передовую группу врага и с близкой дистанции расстреляли 14 легких танков, при прямых попаданиях разрывая их на куски.

Немецкая атака провалилась с большими потерями, также как советская за сутки до этого. Но ночью по лужским мостам переправились еще две немецкие танковые дивизии, обошедшие Баранова с флангов. Впрочем, утром ему все

равно пришлось бы отступить, потому что в его дивизии не осталось ни одного танка.

Войсковицы

Теперь ленинградцы спешно рыли Красногвардейский оборонительный рубеж вокруг современной Гатчины. Требовалось выиграть для них время, но армейских частей у советского командования больше не было, и они приказали остановить танки курсантам-пограничникам из училища НКВД, вооруженным винтовками и одним пулеметом.

Два батальона пацанов задержали три танковые дивизии группы армий «Север» на три дня. Курсанты забрасывали колонны с деревьев коктейлями Молотова, сожгли немало машин, а главное, запутали немецкое командование, которое не понимало, что происходит. Когда генералы разобрались, погибли почти все курсанты, но за это время с Кировского завода вышло еще пять КВ. Их получил взвод старшего лейтенанта Зиновия Колобанова из погибшей Краснознаменной танковой дивизии.

Взвод рассредоточился за позициями курсантов на трех дорогах, которые вели в Гатчину. Колобанов поставил два танка на лужскую дорогу, два – на кингисеппскую, а сам занял позицию на приморской дороге. Сначала немцы двинулись по лужской дороге и потеряли 5 танков и 3 бронетранспортера. Тогда 1-я танковая дивизия пошла по приморской дороге.

Экипаж Колобанова

Около совхоза Войсковицы колонна легких танков попала под обстрел зарытого в землю КВ Колобанова. Позиция была выбрана старшим лейтенантом великолепно: дорога шла через болотистые луга, непроходимые для техники. КВ открыл огонь в борт противника, первыми выстрелами уничтожив два шедших впереди танка и два замыкавших. Немцы оказались в ловушке на узкой полосе асфальта посреди русской грязи. Колобанов принялся расстреливать их танки один за другим.

Некоторое время противник не мог понять, откуда по

нему стреляют, и в ответ немцы били по стогам сена на колхозном поле. Потом КВ заметили и сосредоточили огонь на нем. После боя на броне насчитали 156 отметин от попаданий, однако пробитий не было, только башню заклинило. За полчаса Колобанов, потратив 98 снарядов, уничтожил все 22 танка 1-й танковой дивизии. Когда немцы доставили к месту боя батарею 88-мм орудий, Колобанов уничтожил и ее.

После войны мастер Минского автозавода Зиновий Колобанов рассказал про этот бой на встрече фронтовиков, и его подняли на смех. После гибели у западной границы профессиональной Красной армии советские танковые экипажи формировались из наскоро обученных призывников. Они привыкли дорого платить за каждый подбитый танк врага. История про советских танкистов, летом 1941-го уничтожавших немецкие танки десятками, показалась им выдумкой.

Гибель Железной дивизии

Почётное революционное знамя ВЦИК, полученное в 1918 году за взятие Симбирска, было на год потеряно Самаро-Ульяновской дивизией в Белоруссии в августе 1941-го.

В конце июля 1918 года командующий 1-й революционной армией Тухачевский сформировал из местных и съехавшихся со всей России большевиков сводную Симбирскую железную дивизию (да, железной её назвали прямо при создании). Вместе с ней в 1-ю армию РККА входили Самарская

и Пензенская дивизии. За сентябрьский штурм Симбирска дивизия получила почётное Красное Знамя ВЦИК и стала называться 24-й Симбирской стрелковой дивизией, а после войны – 24-й Самаро-Ульяновской железной стрелковой дивизией.

Одна из лучших в Красной армии, 24-я дивизия в финской войне наступала в авангарде и попала на зимней лесной дороге в ловушку, устроенную снайперами и пулемётчиками. Потери понесли большие, погиб командир дивизии Вещев, посмертно получивший звание Героя, но полного разгрома избежать удалось. Потом, оправившись, самаро-ульяновцы прорвали-таки линию Маннергейма.

22 июня. Потеря Гродно

На 22 июня 1941 года дивизией продолжал командовать генерал Кузьма Галицкий, присланный в декабре 1939 года на смену убитому комдиву-герою, бывший унтер-офицер в окопах Первой мировой, в Гражданскую некоторое время воевавший под командованием Махно.

Кузьма Галицкий

Это ему наверняка припомнили, когда в 1938 году посадили в тюрьму. Он ничего не признал и не подписал, поэтому через год его выпустили и отправили в финские снега воевать за советскую родину. Галицкий в старости написал "Записки командарма", в которых, в отличие от многих других мемуаров, подробно рассказал про первые дни войны.

Под первый удар немцев дивизия не попала, так как стояла на двести километров восточнее Гродно, под белорусским городком Молодечно. 22 июня немецкие диверсанты перерезали провода, и дивизия потеряла связь с командованием своей армии, а та – с Западным фронтом. По своим предвоенным планам дивизия, после того, как части у границы отразят первый вражеский удар, должна была перейти

в наступление и бить врага уже на его территории. Однако 22 июня сразу стало понятно, что многое идёт не по плану. Когда связь восстановили, выяснилось, что это немцы бьют врага на его территории. В первый день войны они заняли Гродно.

24 июня, когда разгром у границы стал очевиден, и немецкие танковые группы прорвались глубоко на восток, мехкорпуса Западного и Юго-Западного фронтов нанесли удары по их флангам. Таким образом надеялись окружить немцев и переломить ход неудачно складывающейся войны. Самаро-Ульяновская дивизия в этом контрударе двух фронтов должна была поддержать атаку на Гродно 11-го мехкорпуса.

Дивизия наступала отдельно и танки по пути нашла себе сама. Из машин 5-й танковой дивизии, отступающих после сражения под Алитусом, собрали танковый батальон – 15 средних Т-34 и 14 лёгких Т-26, командовать которым назначили майора Егорова. На станции неподалеку от Лиды сгрузили с эшелона 8 тяжелых КВ.

25 июня. Наступление на Гродно

Им навстречу шла 19-я танковая дивизия вермахта. "Фашистские танки двинулись на нас в развернутом строю на большой скорости, выбирая наиболее удобные пути. За ними спешила пехота... Приблизившись на 1000—1200 м к нашему переднему краю обороны, танки открыли огонь из орудий, а затем и из пулеметов. Пехота тоже подняла беспорядочную пальбу", – вспоминал генерал Галицкий. Подпустив

противника поближе, огонь открыли дивизионные противотанковые орудия, поставленным на стрельбу прямой наводкой. Не выдержав, немцы отступили, укрывшись вдоль русла реки Клева.

Впереди НП дивизии под командой начальника артиллерии 168-го стрелкового полка старшего лейтенанта А. И. Виноградова действовали противотанковая батарея лейтенанта В. А. Корзуна и полковая 76-мм батарея лейтенанта И. П. Якушина. Первыми же залпами они уничтожили десять танков противника.

Западнее Грабы, у деревни Ноздраки, вела бой батарея 122-мм гаубиц под командованием старшего лейтенанта В. С. Попова. С нашего наблюдательного пункта было видно, что на нее двигалось не менее 20—25 танков. Когда батарея открыла огонь, часть из них загорелась, но некоторые прорвались к самой огневой позиции, а другие начали обходить ее слева. Расчеты поворачивали орудия и били по танкам в упор. Среди артиллеристов были уже раненые и убитые, в том числе один из лучших наводчиков Н. В. Галкин, известный всей дивизии. Но оставшиеся в строю, закопченные дымом, опаленные огнем, некоторые со свежими перевязками, продолжали вести огонь.

И они отбили атаку. Батарея стояла буквально среди кладбища танков: восемнадцать из них дымились вокруг. В этом бою беспримерную доблесть проявил наводчик Шишков. Он подбил пять фашистских танков подряд, и каждый раз первым же выстрелом. Командир взвода младший лейтенант Марков поразил один из танков буквально в упор. Храбро и умело сражались командиры орудий Ф. Я. Хапов, К. В. Зотов, Панфилов, лейтенант А. Н. Самсонов, Н. И. Большаков, наводчики Т. В. Парфенов, А. И. Филлипов, И. Г. Женжеров и все остальные батарейцы.

Кузьма Галицкий, "Записки командарма"

Несмотря на успешный бой, общая обстановка 25 июня складывалась неблагоприятно. В 11-м мехкорпусе после первого дня наступления из 250 танков уцелело лишь 60, корпус смог лишь приблизиться к окраинам Гродно... Удара других мехкорпусов закончились примерно так же. На следующий день стало известно, что прорвавшиеся немецкие танковые группы завершают окружение всего Западного фронта.

Но в Самаро-Ульяновской дивизии об этом весь день не знали: связи не было. Вечером 26 июня до них доехал офицер штаба, который рассказал, что Молодечно, из которого

они начали наступать, уже занято немцами. Генерал Галицкий решил перейти к обороне до выяснения обстановки.

28 июня. Танковая атака

В день, когда немцы окончательно окружили Западный фронт, разбив его на несколько "котлов", Галицкий, устав от ожидания и неизвестности, послал в бой танковый батальон Егорова при поддержке 168-го стрелкового полка. "Смятение в фашистских танковых подразделениях вызвал удар танков КВ, – описал генерал этот бой. – С наблюдательного пункта мы видели поединок одного из них с тремя вражескими танками Т-3. Два танка Т-3 наш КВ подбил с близкой дистанции двумя выстрелами из своей 76-мм пушки. Затем он догнал третий, у которого, видно, заглох мотор при переезде через большую канаву, и с ходу буквально въехал на него, смял своей тяжестью и раздавил, как орех. Вечером, после боя, я узнал, что командиром этого танка КВ был старший сержант Колесов, а механиком-водителем – сержант Володин".

Утром дивизионная газета «Красноармеец» вышла с сильным заголовком: «Вчера наши подразделения уничтожили 97 танков противника». После войны генерал Галицкий напишет о той передовице: "И в этом не было никакого преувеличения. Спустя тридцать лет, перелистывая в архиве пожелтевшие листы журнала боевых действий Западного фронта, я нашел такую запись от 26 июня: «Наиболее упорные бои происходили на рубеже Трабы, Субботники... Уни-

чтожено 127 танков противника, сбито 8 самолетов и захвачены трофеи». Историк Алексей Исаев оценивает результаты боя гораздо скромнее: "Всего, по немецким данным, в том бою им удалось подбить 18 танков, то есть почти половину батальона майора Егорова. Советская заявка на выбивание 127 танков 19-й танковой дивизии представляется сильно преувеличенной".

Вечером связь со штабом фронта была установлена, и выяснилось, что пал Минск, а их дивизия находится в глубоком окружении, в 200 км от линии фронта. Им приказали отступить на восток, прорываться к своим.

Дневник военного корреспондента

Громкий заголовок про 97 подбитых танков для дивизионного "Красноармейца" придумал Александр Поляков, корреспондент "Красной звезды", в хаосе первых дней войны прибывший к небегущей дивизии Галицкого. Так в начале войны присоединился к неотступающим войскам главный герой романа Константина Симонова "Живые и мёртвые", так и сам Симонов в эти дни, чтобы не бежать как все, остался под Могилёвом на позициях 388-го полка полковника Семёна Кутепова.

Поляков стал корреспондентом вынужденно. Он в 1928 году окончил 1-е Московское артиллерийское училище, служил командиром батареи на Лужском испытательном полигоне, в 1932 году получил тяжёлую контузию при испытании нового орудия, был уволен по болезни. На гражданке сна-

чала работал завклубом, потом пошёл по пропагандистской линии, устроившись в авиационную эскадрилью имени Максима Горького. С 1938 года – корреспондент главной армейской газеты «Красная звезда». С ноября 1939-го – на финской войне. Попал там с бойцами в окружение, после гибели командира батальона взял на себя командование. Случай уникальный – боевое подразделение подчинилось постороннему человеку, несмотря на наличие в их рядах младших командиров, обязанных заменить погибшего комбата. Корреспондент вывел батальон из окружения, весной получив за это орден Красного Знамени.

Александр Поляков

Теперь Поляков шагал на восток в колонне бойцов Галицкого. К рассвету 30 июня, пройдя за ночь 30-40 километров, они вышли на Березину, нашли мост и начали переправляться. Галицкий не учёл, что река для лётчиков – хороший ориентир, а лес скрывает подлёт вражеских самолетов. Едва рассвело, в воздухе появились «юнкеры». Они пикировали на переправу вдоль реки, бомбили и обстреливали переправлявшиеся через Березину подразделения. "Немало бойцов было убито и ранено, разбиты и сожжены десятки автомашин и орудий. Мост был взорван несколькими прямыми попаданиями авиабомб. Но и оставаться на месте мы не могли. Поэтому части дивизии продолжали переправляться на восточный берег на плотках и подручных средствах", – вспоминал Галицкий.

...К вечеру на переправе меня ранило. Осколком авиабомбы вырвало вместе с куском сапога кусок мышц из верхней части стопы, на самом сгибе. Быстро закрутили бинтами. Сгоряча совсем не чувствую боли. Вот черти, думаю, с белофиннами, что ли, сговорились, угодили опять в правую ногу, в которую был ранен в Финляндии.

Опять вытягиваем машины. Я поправлял железный трос у трактора. Обрыв. Удар тросом по той же ноге, немного выше раны. Теперь уж и прыгать не могу. На одной из машин уехал в лес, во власть медиков.

Какой же из меня теперь вояка с одной ногой! Вот я все жаловался, что ранен...

6 июля

Сегодня прорыв... Во что бы то ни стало мы должны вырваться из фашистской петли. Мы должны разорвать кольцо смерти или погибнуть — другого выхода у нас нет...

Немцы снова сбросили листовки: «Ваше положение окончательно безнадежно»... «Вас окружает наша броневая и огневая стена»... «Сдавайтесь в плен».

— Старая песня! Смените пластинку! — смеются бойцы, разрывая в клочья фашистские бумажки.

Я брожу по лагерю, вглядываюсь в людей

Александр Поляков, «В тылу врага»

15 июля 1941 года, пройдя по немецким тылам около 500 километров, 24-я дивизия вышла из окружения севернее Мозыря. "Как описать радость бойцов и командиров нашей дивизии, соединившихся, наконец, со своими! Незабываемым остался в памяти тот волнующий момент, когда мы, вырвавшись из вражеского кольца, встретились с частями Красной Армии... Все обнимали друг друга, поздравляли с выходом из окружения. В воздух летели пилотки, каски. По рядам перекачивалось могучее «Ура!». Неслись возгласы «Слава нашей Родине!», «Слава нашей Железной!», – вспоминал комдив.

19 июля Кузьма Галицкий был переведён на Центральный фронт. Александр Поляков вернулся в Москву, где вскоре опубликовал в «Красной звезде» свой дневник военного корреспондента, который издадут в США и Великобритании. За бои в окружении он получил второй орден Красного знамени.

Старший политрук тов. ПОЛЯКОВ А.Ф., будучи корреспондентом газеты "Красная звезда" находился в частях 24 стрелковой дивизии с первых дней военных действий. По поручению командования дивизии принимал участие, как командир и политработник в ряде боев, которые вели части дивизии.

26 июня группа командиров и политработников штадива в том числе и т. ПОЛЯКОВ была послана в отдельные части для обеспечения встречного боя с 19 немецкой танковой дивизией. Тов. Поляков находился во время боя в батарее, которой командовал старший лейтенант тов. ПОПОВ /246 гап/.

Во время боя до 30 танков противника прорвались на эту батарею тов. ПОЛЯКОВ принимая участие в бою, как боец, показывая личным примером образец храбрости и мужества, призывал бойцов драться до последнего снаряда, воодушевляя их; а когда появились раненые и убитые номера у орудий, он заменил номеров расчета - подтаскивал снаряды, работал за правильного. Батарея тов. ПОПОВА отбила танковую атаку, уничтожив 18 танков противника, не отступив ни на один шаг.

Из наградного листа

В журналистику Александр Поляков не вернулся, начав со следующего года воевать в экипаже тяжёлого танка КВ на Калининском фронте. Погиб в должности батальонного комиссара осенью 1942 года под Ржевом, причём неизвестно, как и даже в каком месяце это случилось.

Гибель дивизии

В августе остатки 24-й стрелковой дивизии продолжали отступать – сначала на Гомель, затем на Чернигов. Информации об этом осталось немного. В начале сентября они выдержали большой бой на реке Удай. По-видимому, один из последних боёв дивизия приняла на реке Оржица в 80 километрах юго-западнее украинских Лубен. Там она была расчленена на несколько изолированных групп и уничтожена.

27 декабря 1941 года подразделение было расформировано, как утратившее боевое знамя. В том же декабре в Вологодской области была сформирована 412-я стрелковая дивизия, получившая 1 января наименование 24-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Уже в марте она оказалась на фронте, под новым знаменем сражалась в Сталинградской битве, потом отличилась в наступлении по Украине, заслужив почётное наименование "Бердичевская".

В 1943 году, после освобождения советскими войсками деревни Анютино в Могилёвской области, местный житель, колхозник Дмитрий Тяпин рассказал, что в 1941 году собирал в окрестностях деревни останки советских солдат и офицеров, погибших летом. Под гимнастёркой одного убитого командира он обнаружил намотанное на тело красное знамя. Колхозник его трогать не стал и похоронил вместе с трупом на местном кладбище.

Наградное знамя ВЦИК, вручённое 24-й Самаро-Ульяновской железной дивизии в 1927 году, служило боевым Красным Знаменем в годы Великой Отечественной войны

20 февраля 1944 года дивизии второго формирования было вручено отреставрированное знамя прежней 24-й стрелковой дивизии. Расследование установило, что во время вы-

хода из окружения знамя нёс на себе инструктор политотдела дивизии старший политрук Барбашов, который 6 августа погиб в бою возле деревни Анютино. 24-я стрелковая дивизия второго формирования, вернув утраченное боевое знамя, стала правопреемницей 24-й дивизии первого формирования, что является очень редким случаем для РККА.

Старший политрук Барбашов

После войны Самаро-Ульяновская дивизия была сохранена, просуществовала весь советский период, а после распада СССР вошла в состав Вооружённых сил Украины как 24-я Железная имени князя Даниила Галицкого механизированная дивизия, в нулевых преобразованная в 24-ю отдельную механизированную бригаду.

Мценское сражение: танковый шок для немцев

В октябре 1941 года 50 советских танков преподнесли неприятный сюрприз 300 танкам вермахта.

Михаил Ефимович Катуков.

Первая и последняя в начавшейся войне атака 20-й танко-

вой дивизии РККА закончилась катастрофой. 24 июня под украинским местечком Клевань разведка сообщила командиру 20-й танковой дивизии полковнику Катухову, что неподалёку расположились на отдых части 13-й танковой дивизии противника. Катухов бросил в бой 33 лёгких танка БТ – все силы, которыми располагал на тот момент. Скоростные, но слабобронированные и легковооруженные БТ мчались по открытому полю, а немецкие PzKpfw III расстреливали их один за другим, как в тире... Все советские танки были уничтожены, возглавлявший атаку майор Третьяков, старый друг Катухова, сторел на его глазах. Потом был контрудар под Дубно, угроза окружения, отступление дорогами южного Полесья. В начале августа остатки дивизии, без танков, почти без артиллерии и связи, потеряв 2/3 личного состава, зацепились за Коростеньский укрепрайон... Оттуда, прямо из пекла тяжелого оборонительного боя, Катухова неожиданно вызвали в Москву, в Главное автобронетанковое управление.

Сталинград. Четвёртая танковая бригада

В Москве ему приказали принять под командование четвёртую танковую бригаду, которая формировалась под Сталинградом, получая новенькие «тридцатьчетвёрки» на Сталинградском тракторном заводе, который потом войдёт в историю как место жарких боев. Экипажи набирались из состава 15-й танковой дивизии, хорошо дравшейся под Бердичевым и попавшей потом в Уманский котел. Знакомились

прямо в степи. Катукоев рассказывал о себе и про свой боевой путь, танкисты смотрели на своего нового командира оценивающе.

Немцы воевали грамотно. Сначала мотопехота проводила разведку боем, потом по выявленным огневым точкам наносился артиллерийский или авиационный налёт, затем полуразрушенная система обороны прорывалась мощным танковым ударом. Против этой тактики Катукоев придумал «ложный передний край» и «танковые засады».

После войны он так описал свою идею: «Постепенно сложилась такая схема. Мотострелки располагаются в обороне, предварительно отрыв настоящие окопы и ложные. В ложных ставятся макеты пушек и пулемётов. Часть этих окопов занимают небольшие группы бойцов с настоящими пулемётами. На их долю выпадает роль «актёров», инсценирующих передний край. Сзади, на небольшом расстоянии, идут настоящие окопы, а дальше, на танкоопасных направлениях, ставятся танки – иногда взвод, иногда просто одна машина... Противник боем прощупывает передний край. В действие вступают «актеры» в ложных позициях, артиллерия и минометы с запасных позиций. Танки молчат. Авиация врага начинает бомбить ложные окопы. «Актёры» незаметно отступают ходами сообщения. И наконец, противник пускает танки в сопровождении пехоты. Стрелки, артиллеристы, миномётчики расстреливают пехоту противника. И только тогда, когда вражеские машины подходят на 200—300 метров, за-

сады выходят на огневую позицию и открывают огонь по атакующим в упор, наверняка».

В конце сентября Катуков услышал самую неприятную новость, какую только может услышать командир советской воинской части.

– На тебя, комбриг, подчиненные доносы пишут, – сообщил ему бригадный комиссар Михаил Бойко.

– Что пишут? – помрачнел Катуков.

– Что ты подготовку специально затягиваешь, чтобы на фронт подольше не ехать.

– Идиоты, – вздохнул Катуков.

Бойко рассмеялся.

– Ребята на фронт рвутся, как сумасшедшие.

Орёл. Дневник немецкого генерала

Гудериан Гейнц Вильгельм

План Гудериана состоял в наступлении из района Глухово

на Орёл, а потом на Серпухов. А от него – на Москву. Действия 2-й танковой группы были частью общего наступления группы армий, но хирый Гудериан выступал на два дня раньше остальных, 30 сентября, и первые два дня его группу прикрывала вся авиация группы армий «Центр».

Но сильного сопротивления немцы не ждали. Считалось, что под Киевом сдались остатки Красной армии, так что у Сталина просто нет солдат, чтобы защищать столицу.

В сущности, так оно и было. 30 сентября танки Гудериана прорвали наспех выстроенную оборону курсантов Харьковского военного училища. 1 октября 4-я танковая дивизия генерала фон Лангермана взяла Севск.

3 октября танки четвёртой дивизии немцев вошли в Орёл. Гудериан написал, что взятие города было столь стремительным, что в нём ещё кипела мирная жизнь и ходили трамваи. В эти дни Гудериан также записал в своём дневнике такое рассуждение: «Советский танк Т-34 является типичным примером отсталой большевистской технологии. Этот танк не может сравниться с лучшими образцами наших танков, изготовленных нами и неоднократно доказывавшими своё преимущество».

Орёл. Разведка боем

3 октября 4-я танковая бригада прибыла в Мценск, расположенный между Серпуховым и Орлом. Перед бригадой стояла задача двигаться к Орлу и защищать город, но со слов отступающих выходило, что Орёл уже был занят немцами.

У Катукова было 46 танков, включая батальон лёгких БТ-7. Но бригада прибывала по железной дороге постепенно, поэтому часть танков, прибывших первыми, комбриг бросил на разведку. Комбат-1 капитан Гусев, взяв на свои 13 Т-34 десант пехоты из курсантов Тульского военного училища, возглавлял первую разведгруппу. Второй группой командовал командир роты средних танков старший лейтенант Александр Бурда.

Гусев дошёл до села Ивановское и отправил на разведку в Орёл взвод из трех «тридцатьчетвёрок» под командованием младшего лейтенанта Овчинникова. Танки попали под сильный обстрел уже на окраине города. Крупнокалиберные пулеметы немцев разорвали в клочья десант на броне и смогли поджечь на всех трёх машинах запасные баки с топливом. Овчинников вывел взвод из-под огня, танкисты сбросили горящие баки и «тридцатьчетвёрки», объехав очаг сопротивления, вошли в лабиринт незнакомых улиц. Вскоре связь с ними пропала.

На помощь Гусев отправил еще тройку «тридцатьчёртвёрок» под командованием старшего лейтенанта Ракова, а затем ещё два тяжелых КВ. Все танки бесследно исчезали в городе, связь с ними пропадала, как только они скрывались за первыми домами.

Сейчас их судьбу можно угадать по фотографиям, которые сделали немецкие солдаты, проходившие через Орёл.

Один смелый немец-фотограф сделал в тот день в Орле уникальную серию кадров, запечатлев как в комиксе последнюю атаку советской "тридцатьчетвёрки":

1. Немецкий мотоциклист обернулся назад: там вдалеке виднеется танк. На переднем плане – замаскированный немецкий трактор

2. Тёмная тень у белого домика слева – это советская

«тридцатьчёрверка». На правой части снимка немцы, один танк и два тяжёлых орудия

3. «Тридцатьчёрверка» атакует по открытой местности. Перед ней в панике бежит немецкий солдат

4. «Тридцатьчёртка» заметила других немцев и пошла в атаку на них. Спасшийся немецкий солдат остановился и смотрит на неё

5. «Тридцатьчёртка» останавливается на насыпи у будки стрелочника

б. «Тридцатьчетверка» горит. Скорее всего, она пыталась таранить стоящие на дороге немецкие машины. Видно, как за ними прячется немец

7. Снятая с близкого расстояния «тридцатьчёртка» после взрыва боекомплекта

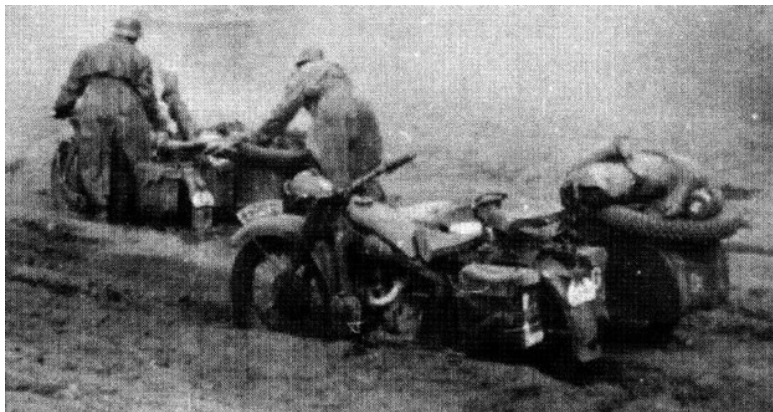
После неудачной разведки Гусев бездействовал до наступления темноты. Ночь выдалась холодная и дождливая, на Орлом стояло зарево пожарищ. Внезапно по шоссе на Болхов показалась колонна из десяти танков. Сначала их приняли за возвращающихся своих, но когда луна вышла из-за облаков разглядели, что танки немецкие. Гусев командовал «тридцатьчёрткам» открыть огонь. Два немецких танка вспыхнули сразу, ещё двое загорелись через несколько минут ожесточённой перестрелки в темноте. Остальные немцы, отстреливаясь наугад, отступили.

Утром в Ивановское прибыл Катукоев с основными силами бригады. Хотя перед позициями Гусева чернели остатки четырёх немецких «троек», он получил выволочку от комбрига за потери. Вскоре из разведки вернулась группа старшего лейтенанта Бурды, действия которого были более успешными. Замаскировав свои танки на юго-восточной окраине Орла, Бурда провёл пешую разведку и обнаружил укрытый в сараях и стогах сена противотанковый артдивизион немцев. Он не стал лезть на рожон и остался в засаде на шоссе от Орла к Мценску. Утром из Орла вышла крупная колонна немцев – бронетранспортеры с прицепленными противотанковыми орудиями, около двух десятков легких танков и три танка Т-IV, а также несколько грузовиков с пехотой. Бурда подпустил колонну поближе и открыл огонь.

Несколько немецких бронетранспортеров и лёгких танков сразу загорелись. В воздух полетели колёса и обрывки гусениц. Две «тридцатьчетвёрки» выскочили на дорогу и, стреляя из пулеметов, начали давить грузовики с пехотой. Немцы побежали, побросав всю технику. Заместитель политрука Багурский, стоя на танке лейтенанта Кукаркина, на ходу расстреливал бегущих фашистов сначала из винтовки, а потом из пистолета.

Оптуха. Танковая засада

5 октября с самого утра зарядил мелкий дождь. Проселочные дороги превратились в сплошное месиво, разведгруппы на мотоциклах вязли в них, и немцам пришлось выслать впереди себя конные дозоры.

Немецкие мотоциклисты из состава 4-й танковой дивизии буксуют под Мценском

Командир 4-й танковой дивизии фон Лангерман ненавидел эту русскую погоду. Осенью в России слишком много грязи. И разведка в России всегда ошибается: сказали, что у Сталина никого нет, а вечером Орёл атаковали новенькие русские «тридцатьчетвёрки». Проклятая грязь лишала его возможности манёвра, оставалось просто двигаться по шоссе на Мценск, понимая, что где-то впереди его ждёт оборона русских. Но на этот счет фон Лангерман вряд ли волновался. На границе под Дубно он участвовал в бою, когда 500 немецких танков разгромили 3000 советских, многие из которых были новейшими. Тогда Сталин потерял своих лучших танкистов. Понятно, что его уральские заводы продолжают строить новые танки, но кто теперь в них сидит? Вчерашние трактористы, срочно мобилизованные в армию?

Вскоре они обнаружили пехотный батальон русских, окопавшихся на берегу какой-то речушки. Разведка боем выявила всю систему их обороны и сейчас позиции батальона утюжили несколько звеньев германских бомбардировщиков. Когда бомбардировка закончилась, фон Лангерман бросил в атаку 40 легких танков при поддержке пехоты. Он смотрел в бинокль, как танки медленно и осторожно переваливаясь на кочках, идут через низину на позиции русских, и внезапно вспомнил, что Орёл атаковали советские танки, а перед ним – только советская пехота.

«А где же русские танки?» – подумал фон Лангерман.

Катуков отложил бинокль в сторону. Немцы утюжили окопы батальона капитана Кочеткова, расстреливая его бойцов из пулемётов. Комбриг дал приказ своим танкам вступить в бой. «Тридцатьчетвёрки» были замаскированы на опушке леса, чуть южнее села Казнаушеево. Как только они появились из-за пригорка, немецкая атака остановилась, словно наткнувшись на стену.

После войны генерал-лейтенант Эрих Шнейдер писал: «Несмотря на некоторые конструктивные недостатки, немецкие танки вполне оправдали себя в первые годы войны. Даже небольшие танки типов I и II, участие которых в войне не было предусмотрено, показывали себя в боях не хуже других до тех пор, пока в начале октября 1941 года восточнее Орла перед немецкой 4-й танковой дивизией не появились русские танки Т-34 и не показали нашим привыкшим к победам танкистам свое превосходство в вооружении, броне и манёвренности. Танк Т-34 произвел сенсацию. Этот 26-тонный русский танк был вооружен 76,2-мм пушкой (калибр 41.5), снаряды которой пробивали броню немецких танков с 1,5 – 2 тыс. м, тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 м, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую и кормовую части танка Т-34».

Генерал-майор Буркхарт Мюллер-Гиллебранд считал, что «появление танков Т-34 в корне изменило тактику действий

танковых войск. Если до сих пор к конструкции танка и его вооружению предъявлялись определённые требования, в частности подавлять пехоту и поддерживающие пехоту средства, то теперь в качестве главной задачи выдвигалось требование на максимально дальней дистанции поражать вражеские танки, с тем чтобы создавать предпосылки для последующего успеха в бою. В это же время появились новые конструкции танков, на базе которых позже были введены танки типов V («Пантера») и VI («Тигр»).

Эта внезапно изменившаяся тактика действий танковых войск дорого стоила 4-й дивизии в тот день под Орлом. Танкисты Катукова работали группами по три-пять машин, концентрируя свой огонь на одной цели. Немецкие танки загорались один за другим и вскоре начали отступать без приказа. На раздавленных позициях русского батальона осталось 18 сгоревших танков 4-й дивизии.

Первый воин. Гвардейские миномёты

Получив сообщение о сильном сопротивлении русских на шоссе Орел-Мценск, Гудериан другими частями 2-й танковой группы нанёс отвлекающие удары на Болохов и Новосиль. Бригада Катукова была вынуждена отступить до села Первый воин.

Впрочем, отступать Катукова вынуждала и сама выбранная им тактика. Повторять танковые засады на одном и том же месте было бы глупо. Новая позиция у Первого воина подходила отлично – с высоток открывался хороший обзор в

южном направлении, откуда шли немцы, а многочисленные кустарники и рощи позволяли маскировать танки.

Рано утром 6 октября дозорные сообщили, что со стороны Орла движется более сотни танков и бронетранспортеров противника. Они атаковали батальон капитана Кочеткова, занявший позиции на одной из высоток. Немецкие танки уже утюжили их окопы, когда Катухов разрешил своим танкам открыть огонь и бросил четвёрку «тридцатьчетвёрок» под командованием старшего лейтенанта Лавриненко на помощь пехоте.

Экипаж Дмитрия Лавриненко

Танки Лавриненко появились из леса и ударили в борт пе-

редовой группе немецких танков. Прежде чем те пришли в себя, «тридцатьчетвёрки» скрылись в маленьком овражке и через несколько минут вдруг появились левее, из-за пригорка и снова вступили в бой. Позднее записали рассказ об этом бое членов экипажа одной из тех Т-34: «Вражеский снаряд попал в левый борт танка Любушкина и пробил броню. Внутри машины вспыхнул разрыв. Танкистов ослепило и оглушило... Федотов нажал на кнопку стартера. Двигатель заработал, но ни одна скорость, кроме задней, не включалась: оказалось, были выбиты фиксаторы в переводных стержнях кулисы. Федотов включил заднюю скорость, и танк покатился... Тем временем дым и газ рассеялись, и Любушкин снова открыл огонь по гитлеровской колонне. Вскоре одна за другой факелами запылали еще три вражеские машины. Тут подал слабый голос радист Дуванов, пулемёт которого молчал:

– Мне оторвало ногу».

За этот бой командиру танка старшему сержанту Ивану Любушкину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Потеряв за несколько минут 15 танков, 4-я дивизия вермахта отступила. Ближе к ночи Катукову сообщили, что немцы снова накопили силы на шоссе и собираются повторить атаку. Ночной бой мог стать большой проблемой, поскольку при темноте исчезали все преимущества Т-34 в бое на большой дистанции. Решение свалилось словно с неба – на КП

бригады явился капитан Чумак, прибывший от генерала Лешенко.

– Командир дивизиона гвардейских миномётов, – козырнул он. – Приказано подбросить на вашем участке огоньку. Один залп.

– Почему только один? – удивился Катукوف.

– Не волнуйтесь, этого хватит.

Ни Катукوف, ни его танкисты знаменитых впоследствии «Катюш» раньше не видели. Он описал в своих мемуарах впечатление от первого залпа: «Когда несколько минут спустя мы вылезли из щели, то увидели внизу, в ложине, пляшущие языки огня. С каждой секундой пламя ширилось, разливалось, и вскоре перед нами бушевало огненное море. Пораженные невиданным зрелищем, мы стояли не в силах произнести ни слова. И не сразу до нашего сознания дошло, что снизу доносится гул сотен моторов. Потом мы услышали взрывы – это рвались машины с боеприпасами. Я взглянул в бинокль – там в языках пламени металась тень... Но вот оцепенение прошло, и среди командиров поднялось радостное возбуждение. Многие просто не знали, как выразить свой восторг. Капитана Чумака дружески хлопали по спине, пожимали ему руку. А он, довольный произведенным эффектом, только улыбался. Многим казалось, что новое оружие вызовет коренной перелом в войне».

Позднее «катюши», или «сталинские органы» как прозвали их немцы, часто и успешно использовали против танков.

Выяснилось, что для уничтожения немецких танков Т-І и Т-ІІ снаряду даже не обязательно было прямое попадание, разрыв ракеты в пределах 5-10 метров переворачивал лёгкие немецкие танки. Согласно донесению Катукова, всего в тот день немцы «недосчитались 43 танков, 16 противотанковых орудий, 6 автомашин и до 500 солдат и офицеров. У нас же сгорело на поле боя только два танка. Четыре подбитых удалось вернуть в строй. Серьёзные потери в людях понёс мотострелковый батальон».

Головлёво. Ложный передний край

Поздно ночью 7 октября бригада Катукова отступила по шоссе на рубеж Ильково-Головлёво-Шеино. Бои, бессонные ночи, грязь, слякоть и бесконечный дождь вымотали людей. Днём пошел мокрый снег – и шинели, которые негде было сушить, тут же промокли насквозь.

– Ты как в эти дни бойцов вдохновляешь? – спросил Катукоев у своего комиссара.

– Не вру им, – ответил Бойко. – Для морального состояния солдата хуже нет, чем когда сладенькая полуправда трещит по швам под напором реальных фактов. Стараюсь объяснить так, чтобы они понимали: победа или поражение – это не результат указаний свыше. Это твоя победа, твоё поражение.

После залпа «катюши» немцы два дня, 7 и 8 октября, вели себя очень осторожно – фон Лангерман считал, что перед ним находятся крупные силы. Катукоев в это время бросил все силы на рытье ложного переднего края. Утром 8-го на

КП к Катукосу прибыл Лелюшенко. Он привез подкрепление – полк пограничников под командованием полковника Пияшева и приказал продолжать защищать Мценск, выигрывая время, пока его гвардейский корпус разворачивается за городом.

Пограничники сформировали небольшие диверсионные группы, по ночам переползали нейтральную полосу и кинжалами резали спящих немцев. Именно тогда, осенью 41-го, среди солдат и офицеров вермахта начало складываться убеждение, что война на Восточном фронте – другая, не такая как на западе. В тылу, в Германии они толком не могли объяснить, чем именно она другая, было лишь ясно, что в России всё намного хуже.

Утром 9 октября 50 пикировщиков «Штука» с душераздирающим воем сирен 15 минут забрасывали бомбами пустые окопы, вырытые бойцами Катукоса. Зенитчики бригады сбили пять из них, а шестой всех удивил, угодив под траекторию полёта снаряда полевой пушки и рассыпавшись горящими обломками над окопами пехоты.

– Вижу прямо танки – двадцать! – закричал Катукосу сидящий на дереве наблюдатель. – Танки справа – шестнадцать!

Фон Лангерман нанес свой главный удар на Шеино, пытаясь обойти оборону бригады с фланга. Около Шеино в засаде находилась группа «тридцатьчетвёрок» под командованием Дмитрия Лавриненко и рота танков БТ-7 под командованием

лейтенанта Самохина. Бой там завязался очень ожесточённый. Катуков послал туда на помощь танки под командованием начальника штаба 1-го батальона лейтенанта Воробьева, старшего лейтенанта Бурды и старшего сержанта Фролова. Они обошли колонну немцев с фланга и незаметно вышли на расстояние прямого выстрела. Их появление стало совершенно неожиданным для немцев. Потеряв за несколько минут перестрелки 11 танков, они отступили. В этот момент Катукову протянули телефон – на проводе был Лелюшенко:

– Немцы прорвались на Болоховском шоссе, – сообщил генерал. – Всему корпусу грозит окружение.

Мценск. Самый длинный день

Утром 10 октября немцы вели себя как-то странно – небольшие группы танков и пехоты вяло атаковали передний край обороны Катукова, расположенный прямо на южных окраинах Мценска. Вскоре выяснилось, что они отвлекали внимание – главный удар был нанесен фон Лангерманом на левом фланге, где занимал позиции батальон Тульского военного училища. Увидев идущие на них танки, курсанты дрогнули и оставили свои позиции. В 11 часов дня на КП Катукову сообщили, что танки противника видели в центре Мценска, на площади колхозного рынка.

Катуков прозвонил Лелюшенко:

– Ситуация становится угрожающей – немцы прорвали мой левый фланг, зашли в Мценск и теперь в любой момент

могут отсечь бригаду от моста через Зушу. Прошу разрешение на отступление.

– Отступает весь корпус. Ваша задача – продержаться в Мценске до темноты.

– По данным нашей разведки к Мценску по Болоховскому шоссе движется свежая дивизия противника. Мы можем оказаться в полном окружении, потерять людей и танки.

– Повторяю ещё раз: приказ на отступление я вам не даю.

«Бой – это целый комплекс сложных проблем, часто настолько связанных друг с другом, что порой трудно разобраться, где причина, а где следствие», – написал Катукوف после войны в мемуарах.

К полудню немцы усилили нажим с фронта, их атаки становились все более яростными. Командиры частей докладывали комбригу, что держатся из последних сил и просили подкреплений. Но Катукوف отправил свой единственный резерв – тройку КВ – в город. С каждым часом ситуация становилась всё более угрожающей для бригады Катукова.

– Новая немецкая танковая дивизия, которая движется по Болоховскому шоссе, в 30 километрах от города, – доложили ему в три часа дня. – Автомобильный мост через Зушу под сильным обстрелом, брод восточнее города занят немцами. Для отступления остается только железнодорожный мост, но мы не уверены, что наша техника по нему пройдет.

В шесть часов вечера заместитель политрука Завалишин принёс первую за день хорошую новость.

– Танки по железнодорожному мосту пройдут.

– Почему ты так решил? – спросил Катукوف.

– Я не решил, товарищ полковник. Я прошёл.

Катукوف снова связался со штабом корпуса и получил, наконец, приказ на отступление. В восемь вечера, когда полк пограничников уже переправился, Катукوف собрал всех работников штаба и скомандовал:

– Независимо от званий и должностей – в колонну по два становись! Каждый работник штаба обязан всеми силами содействовать организованной переправе через мост. Если нужно, вместе с солдатами вытаскивать застрявшие грузовики и пушки.

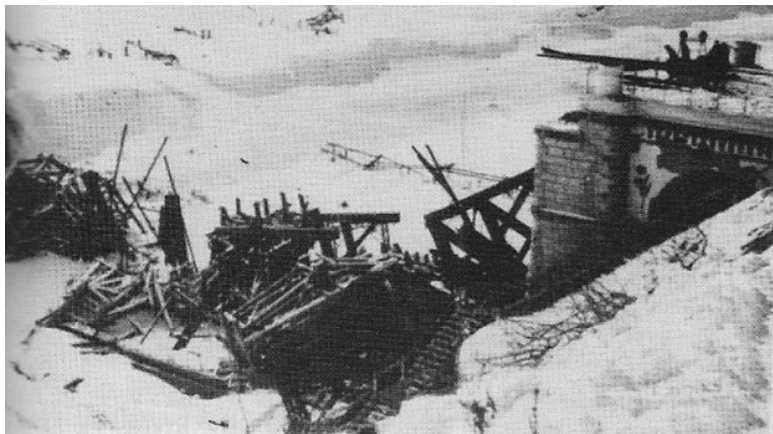
Вместе с комиссаром Бойко он повел колонну к Чёртову мосту. Главная проблема там заключалась в том, что сапёры успели лишь наспех постелить настил – доски выдерживали вес техники, но постоянно разъезжались и образовывавшиеся щели проваливались колеса и ноги лошадей. Лошадей со сломанными ногами приходилось пристреливать и скидывать за перила, а технику солдаты и работники штаба бригада переносили на руках. В 11 часов вечера проливной дождь и мокрый снег вдруг прекратились, низкие тучи разошлись, и выглянула полная луна, ярко осветившая мост. Немцы открыли огонь. Вскоре к артиллеристским разрывам прибавились попадания пуль – немцы прорвались к Мценскому вокзалу и вели по мосту прицельный винтовочный огонь из станционных зданий.

Катуков послал туда танк сержанта Капотова.

– Стрелков выбей и зажги там все деревянные здания, – приказал он.

Минут через двадцать выстрелы стихли, а привокзальные здания запылали. Свет и дым этого пожара с одной стороны скрывал от немцев мост, с другой – освещал действия самих немцев.

В два часа ночи началась переправа двух последних танковых батальонов. Танки отходили, отстреливаясь от наседавшего на них врага. Уже светало, когда переправился последний танк бригады и Катуков дал приказ взорвать мост. Самый длинный день, как назвал в своих мемуарах Катуков 10 октября 1941 года, наконец-то закончился.

Чёртов мост, взорванный при отступлении

Итоги. Первая гвардейская

4-й танковой дивизии фон Лангермана понадобилось восемь суток, чтобы преодолеть по шоссе 60 километров от Орла до Мценска. За это время согласно подсчетам Катучова немецкая дивизия потеряла в боях до полка пехоты, 133 танка, 49 орудий, 8 самолётов, 15 тягачей с боеприпасами, 6 миномётов и много другой военной техники (впрочем, нужно учитывать, что поле боя постоянно оставалось за немцами, повреждённую технику они восстанавливали и в потери себе не записывали, так что картина боя в советских и немецких документах сильно отличается). Собственные потери бригады составили 23 танка, 24 автомашины, 555 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Если о потерях можно спорить, то резкое изменение мнения Гудериана о Т-34 после боев под Орлом – это факт. В середине октября он уже не рассуждает в дневнике о «типичном примере отсталой большевистской технологии», а пишет о советском танке доклад в Берлин, в котором требует изменить все германское танкостроение: «Я в понятных терминах охарактеризовал явное преимущество Т-34 перед нашим Pz.IV и привел соответствующие заключения, которые должны были повлиять на наше будущее танкостроение».

Этого Гудериану показалось мало. В ноябре он собрал под Орлом совещание германских конструкторов, на котором присутствовал легендарный Фердинанд Порше. Гудери-

ан привез его на поле боя у Первого Воина и предложил поговорить о советских танках с танкистами 4-й дивизии. Те выразились ясно: сделайте нам «тридцатьчетвёрку».

Точно такой же танк немцы конечно, делать не стали, они создали танк получше – PzKpfw V «Panther», в котором повторили многие конструкторские решения Т-34. Но все это мало помогло самому Гудериану, которого Гитлер счёл лично виновным в провале наступления на Москву. 26 декабря «Быстрый Хайнс» был снят с должности и отправлен в резерв. 4-я танковая дивизия, перезимовав в Подмосковье, потеряла все танки, а её командир, генерал фон Лангерман, погиб через год под Сталинградом.

Карьера полковника Михаила Катукова резко пошла в гору. В ноябре он стал генералом и получил орден Ленина из рук генерала Власова, тогда командующего 20-й армией. В мае 1945-го танки маршала Катукова первыми ворвались в Берлин.

Генерал Власов вручает Катуюкову орден Ленина

За бои под Мценском 4-я танковая бригада была отмечена в сводке и награждена особо: 11 ноября она первой в танковых частях РККА была удостоена звания «гвардейская», получила гвардейское знамя и новый номер: 1-я гвардейская танковая бригада. С неё началось формирование Танковой гвардии Красной армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.